ВОСПОМИНАНІЕ
о
КРЫМЪ.

Альбомъ

всѣхъ лучшихъ и достопримѣчательнѣйшихъ видовъ

Южнаго Берега Крыма.

Алупка.
Алупскій замокъ.
Оріанда.
Замокъ въ Оріандѣ.
Дворецъ Наслѣдника. (Ливадія.)

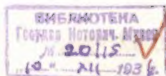
Дворецъ въ Ливадіи.
Ялта.
Ялтинская бухта.
Аутка.
Урзуфъ и Медвѣдь гора.

Алушта.
Судакъ.
Скитъ св. Стефана (въ Кизилъташѣ)
Коктебельскія горы. (бл. Ѳеодосіи)
Ѳеодосія. (съ вост. и съ зап. ст.)

ОДЕССА

Изданіе Эмиля Берндта.

Довволено цензурою. Одесса, 10 мая 1868 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Живописный альбомъ нашъ, предлагаемый нынѣ публикѣ, заключаетъ въ себѣ всѣ, наиболѣе примѣчательные и извѣстные, виды «южнаго берега» Крыма, выбранные и выполненные нами съ особенною тщательностію. Виды нашего альбома могутъ живо напомнить о южномъ берегѣ тому, кто уже съ нимъ знакомъ, а тому, кто еще не знакомъ съ этимъ очаровательнѣйшимъ уголкомъ земли, посреди обширныхъ земель русскаго царства, — могутъ дать ясное и наглядное понятіе о немъ.

«Южнымъ берегомъ» называется узкая полоса земли нагорной части Крымскаго полуострова, заключенная между Чернымъ моремъ и горною цѣпью хребта Яйлы и составляющая собственно морское побережье, по скатамъ Яйлы, на пространствѣ отъ горнаго мыса и деревни *Форосъ* до деревни *Алушты*, включая сюда и всю очаровательную и богатую, по роскошной растительности, Алуштинскую долину.

Береговая горная цѣпь отъ Алушты принимаетъ другое направленіе. Она здѣсь рѣзко выдвигается на востокъ, и главными возвышенностями своими отступаетъ отъ моря; оттого все морское побережье отъ Алушты до мыса *Меганома*, у Судака имѣетъ уже другой видъ и иной мѣстный характеръ и во многихъ отношеніяхъ отличается отъ собственно такъ называемаго южнаго берега. Хотя и эта часть крымскаго побережья столь же богато надѣлена дарами почвы и климата, свойственными горной природѣ полуострова вообще; но здѣсь нѣтъ той грандіозности горныхъ видовъ и картинъ, того богатства и разнообразія растительной культуры и въ особенности нѣтъ тѣхъ великолѣпныхъ замковъ, фантастическихъ виллъ и прелестныхъ коттеджей, которыми наполненъ

южный берегъ отъ Фороса до Алушты, въ особенности же та часть этого берега, которая простирается верстъ на 20 и болѣе по одну и по другую сторону Ялты.

Южный берегъ Крыма, прославленный столькими новѣйшими путешественниками и воспѣтый столькими поэтами, — со временъ самой глубокой древности, съ тѣхъ временъ, кажется, до которыхъ только простираются воспоминанія исторіи, сталъ обращать на себя вниманіе людей. Чудныя горы и очаровательныя долины южнаго берега, какъ видно по нѣкоторымъ историческимъ слѣдамъ, были всегда довольно густо населены и воздѣланы. Здѣсь попадаются еще и теперь маслинныя деревья, которымъ насчитываютъ по тысячу лѣтъ и болѣе. Встрѣчающійся очень часто въ горахъ одичалый, многовѣковый виноградъ, смоковница, лавръ и другія деревья свидѣтельствуютъ объ очень давней и богатой культурѣ, нѣкогда здѣсь процвѣтавшей. Конечно, слѣды этой культуры слѣдуетъ отнести къ временамъ древнихъ эллиновъ; потому что на существованіе древне-греческихъ поселеній на южномъ берегу указываютъ сохранившіяся и до сихъ поръ чисто-греческія названія нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ мѣстностей, какъ напр. *Лампасъ* (нынѣшній *Ламбатъ*), *Партенитъ* и друг.

Послѣ культуры древнихъ эллиновъ, которымъ, въ обладаніи южнымъ берегомъ, наслѣдовали греки-византійцы, тутъ явилась культура итальянская — цвѣтущая и богатая не менѣе греческой, если судить по свидѣтельству итальянскихъ историковъ о богатой производительности генуэзскихъ колоній въ Крыму, въ числѣ которыхъ Судакъ и другія мѣста южнаго крымскаго побережья занимали весьма видное мѣсто.

Но послѣ генуэзцевъ южный берегъ, какъ и вся, кажется, нагорная часть Крыма, приходилъ постепенно въ дикое состояніе.

Съ присоединеніемъ Крыма къ русскимъ владѣніямъ на южный берегъ очень рано было обращено вниманіе; богачи и вельможи стали пріобрѣтать земли на южномъ берегу, вслѣдъ за «великолѣпнымъ княземъ Тавриды», т. е. вслѣдъ за княземъ Потемкинымъ, начавшимъ устраивать богатую виллу въ нынѣшнемъ *Артекѣ*, у подошвы Аюдага.

Но начало благоустройства и начало русскаго населенія на южномъ берегу слѣдуетъ считать со времени управленія Новороссійскимъ краемъ герцога де Ришелье. Онъ пріобрѣлъ *Гурзуфъ*, и первый сталъ устраивать здѣсь правильные сады, виноградники и проч. Въ его же время былъ заведенъ казенный ботаническій садъ (нынѣ Императорскій) у деревни *Никиты*. По примѣру Ришелье многіе не только изъ столичныхъ богачей и вельможъ, но и изъ водворившихся въ Крыму русскихъ, изъ служащихъ чиновниковъ и проч. стали покупать и пріобрѣтать участки земель на южномъ берегу и начали разводить на нихъ виноградники и устраивать небольшія дачи.

Но настоящимъ устройствомъ своимъ южный берегъ обязанъ болѣе всего покойному князю М. С. Воронцову, вступившему въ управленіе Новороссійскимъ краемъ и Бессарабіей, въ качествѣ генералъ-губернатора, въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Князь Воронцовъ страстно полюбилъ Крымъ и въ особенности южный берегъ.

Его просвѣщенныя и постоянныя заботы объ этомъ прелестномъ уголкѣ русской земли, его многолѣтнія усилія водворить здѣсь правильное виноградарство и винодѣліе и правильное садоводство,— какъ приносящія доходы, такъ и садоводство ландшафтное, пейзажное, служащее собственно для эстетическаго наслажденія, — не пропали даромъ. Чтобы воспользоваться богатствомъ и роскошью природы южнаго берега и сдѣлать изъ него то, что онъ представляетъ теперь, князь Воронцовъ, правда, не щадилъ ни издержекъ, ни просвѣщенныхъ трудовъ своихъ. Рейнъ, Венгрія, Бургундія, Архипелагъ, Малага, Мадера и проч. присылали сюда, по его требованіямъ, свои виноградныя лозы; породы рѣдкихъ растеній со всѣхъ концовъ свѣта выписывались княземъ Воронцовымъ, равно какъ и заграничныя виноградныя лозы, и раздавались всѣмъ, желавшимъ заняться ихъ культурой на южномъ берегу.

Князь М. С. Воронцовъ не только не щадилъ самъ многихъ сотенъ тысячъ рублей на устройство своей чудной Алупки и другихъ южнобережскихъ имѣній своихъ и для раскрытія и разработки природныхъ богатствъ южнаго берега; но онъ съумѣлъ внушить эту благородную страсть

и многимъ русскимъ вельможамъ, людямъ богатымъ и даже небогатымъ, — такъ что имѣть дачу на южномъ берегу, имѣть тамъ свой увеселительный садъ, свой замокъ или какой-нибудь домикъ фантастической архитектуры, словомъ, имѣть тамъ свой pied-à-terre сдѣлалось, со времени князя Воронцова, какою то потребностью, барскою прихотью, сдѣлалось требованіемъ моды почти для каждаго русскаго вельможи и для каждаго свѣтскаго человѣка, съ большимъ и независимымъ состояніемъ.

И такимъ образомъ создались тѣ великолѣпные дворцы, замки, домики, тѣ чудныя и роскошныя виллы, сады и парки, которые вмѣстѣ съ дикими и величавыми горами и вмѣстѣ съ величественной картиной безпредѣльнаго синяго моря, дѣлаютъ южный берегъ Крыма однимъ изъ рѣдко-замѣчательныхъ и прелестнѣйшихъ уголковъ на земномъ шарѣ, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній и богатѣйшихъ украшеній русской земли.

Южный берегъ, особенно та часть его, о которой мы сказали выше, представляется теперь по истинѣ непрерывнымъ, волшебнымъ и однимъ изъ превосходнѣйшихъ въ мірѣ садовъ. «Янтарь и яхонтъ винограда» — по выраженію поэта, — сверкаетъ теперь повсюду посреди обширныхъ виноградниковъ, которыми буквально унизаны прибрежныя скалы и наполнены пріютныя долины южнаго берега. Цѣлыми рощами и красивыми группами разбросаны здѣсь повсюду темные кипарисы, стройно возвышаясь во всей суровой красотѣ своей среди деревъ другихъ породъ, среди густолиственныхъ лавровъ, магнолій, рамнусовъ и среди множества другихъ вѣчно-зеленыхъ деревъ и кустарниковъ южнаго климата, и вся эта масса могучей южной растительности такъ дивно гармонируетъ съ синею лазурью здѣшняго неба, съ мрачными скалами и съ прозрачною синевою моря. Вообще богатство, роскошь и разнообразіе растительности южнаго берега невольно поражаютъ и очаровываютъ путешественника, особенно-же очаровываютъ сѣвернаго человѣка, знакомаго съ породами южныхъ растеній лишь по оранжерейнымъ образцамъ.

Вотъ почему теперь такъ много русскихъ путешественниковъ стремится каждое лѣто на южный берегъ. Мы не говоримъ уже о богатыхъ и о счастливыхъ міра сего или о больныхъ, которымъ

потребны мягкій климатъ или морскія купанья; но каждый, кто имѣетъ средства и не стѣсненъ недостаткомъ, — хозяинъ-ли — помѣщикъ, ученый, профессоръ, чиновникъ, — всякій ѣдетъ теперь на южный берегъ, съ цѣлью отдохнуть отъ своихъ обыденныхъ дѣлъ и занятій, посреди чудной природы и благодатнаго климата, покупаться въ морѣ и полюбоваться восхитительными садами Алупки, Оріанды и Ливадіи.

Очень понятно, что прелестное мѣстоположеніе, богатая растительность, съ чисто южнымъ характеромъ и мягкій климатъ, привлекавшіе во всѣ времена людей селиться на южномъ берегу, влекутъ сюда и теперь массу путешественниковъ и туристовъ, число которыхъ увеличивается почти съ каждымъ годомъ.

Чтобы составить себѣ вполнѣ удовлетворительное понятіе о величіи и о живописной красотѣ видовъ южнаго берега, нужно вступить въ него чрезъ *Байдарскіе ворота*. — Ворота эти устроены на самомъ рубежѣ южнаго берега, на вершинахъ мѣстности *Форосъ*, при спускѣ съ сѣверной на южную сторону хребта Яйлы. При самомъ выѣздѣ изъ Байдарскихъ воротъ предъ путешественникомъ открывается великолѣпнѣйшая въ мірѣ и поражающая картина природы: море, освѣщаемое яркимъ свѣтомъ полуденнаго солнца, растилается почти у его ногъ, во всемъ своемъ величественномъ и необозримомъ пространствѣ. По лѣвую руку подымаются амфитеатромъ высокія, обрывистыя горы, отступивъ на небольшое разстояніе отъ морскаго берега и оставляя между моремъ и безконечною цѣпью горъ узкую полосу плодоносной и украшенной богатою растительностію земли. Эта небольшая окраина благословенной земли, отнятая человѣкомъ у гранитныхъ скалъ и у волнъ морскихъ, и составляетъ собственно «южный берегъ». Внизу, по горнымъ скатамъ къ морю, разбросаны здѣсь повсюду небольшія долины, луга, виноградники и группы красивыхъ деревъ, изъ за густой зелени которыхъ мелькаютъ то тамъ, то сямъ дачныя постройки.

Прекрасно устроенное южнобережское шоссе, смѣло прорѣзывающее гранитные скалы и утесы, вьется зигзагами — не рѣдко надъ самыми пропастями, черезъ которыя переброшены гранитные

мосты. При проѣздѣ по южнобережскому шоссе, путешественнику постоянно представляются, на лѣво — высокія отвѣсныя стѣны хребта Яйлы, вершины которыхъ скрываются въ облакахъ, на право группы деревъ съ гигантскими вѣковыми орѣхами и массою роскошной зелени, и между ними подымаются мрачные утесы сѣраго гранита, разметанные нѣкогда вулканическою силою по склонамъ горнаго хребта и по берегу моря. Чѣмъ далѣе вы подвигаетесь по шоссе, тѣмъ виды становятся оживленнѣе и живописнѣе. Отъ Алупки до Ялты и далѣе дорога рѣшительно представляетъ непрерывный нескончаемый садъ, уставленный богатыми дворцами, замками и прелестными домиками.

Таковъ общій характеръ горныхъ видовъ и картинъ южнаго берега Крыма. Мягкая, нѣжная атмосфера юга, набрасывающая тонкій, блестящій колоритъ на всѣ предметы, лазуревое южное небо и никогда не покидающій васъ видъ на необъятно-безпредѣльное море придаютъ всѣмъ картинамъ южнаго берега неизъяснимую прелесть и очарованіе и дѣлаютъ то, что, увидѣвъ ихъ однажды, вы сохраняете въ душѣ вашей самое живое впечатлѣніе и самое отрадное воспоминаніе о нихъ.

ALOUPKA — Алупка.

АЛУПКА.

Едва-ли прошло и полъ-вѣка, послѣ того, какъ на мѣстѣ, гдѣ теперь красуются волшебные сады и возвышается великолѣпный замокъ Алупки, зіяли страшныя пропасти, на днѣ которыхъ виднѣлись вывороченныя съ корнемъ деревья и множество змѣй пряталось подъ ихъ полусгнившіе стволы. Разорванныя гранитныя массы, взгромоздившись одна на другую, свидѣтельствовали о бывшихъ когда-то здѣсь страшныхъ землетрясеніяхъ. Цѣлыя горы, оторванныя отъ Яйлы внутреннимъ огнемъ, лежали разбросанныя вдоль берега моря. Среди этого хаоса громоздилась и лѣпилась къ скаламъ татарская деревня, плоскокрышимъ домикамъ которой грозила ежеминутно опасность быть раздавленными висящими надъ ней скалами. Виноградныя лозы, въ 2 — 3 фута въ объемѣ, со всѣхъ сторонъ заплетали скалы, перебрасывая свои могучіе побѣги съ одной скалы на другую и точно стараясь удержать ихъ отъ паденія и прикрѣпить къ родной горѣ, отъ которой они были оторваны. Орѣховыя, гранатовыя, масличныя деревья, смоковницы и цѣлый лѣсъ многовѣковыхъ лавровыхъ деревъ подымались изъ-среди этого хаоса, защищая жителей деревни отъ солнечнаго зноя и напоминая о прежнихъ, давно-минувшихъ народахъ, насадившихъ ихъ здѣсь нѣкогда.

Остатки греческаго укрѣпленія или сторожевой башни, на берегу моря, и небольшой греческой крѣпостцы *(Алупка-Исаръ)*, находящейся по-выше хаоса, на отдѣльно стоящей неприступной скалѣ, и нѣсколько монетъ, найденныхъ здѣсь, съ греческими надписями, временъ христіанства, свидѣтельствуютъ ясно, что здѣсь жили Греки, и что они-то и были насадителями всѣхъ этихъ деревъ.

Дикость природы, до чрезвычайности живописное разрушеніе горъ, необыкновенно теплый климатъ Алупки, защищенной отъ сѣвера отвѣсною скалою *Ай-Петри*, возвышающейся на 3,798 ф.

надъ уровнемъ моря, множество горныхъ потоковъ, берущихъ свое начало въ расщелинахъ Яйлы, — все это прельстило покойнаго князя М. С. Воронцова, и онъ пріобрѣлъ Алупку и сдѣлалъ ее своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ въ Крыму. Князь Воронцовъ, съ неподражаемымъ искуствомъ, съ удивительнымъ вкусомъ, съумѣлъ воспользоваться величественными и вмѣстѣ ужасающими красотами этой дикой и оригинальной мѣстности для созданья своей знаменитой Алупки: онъ развелъ тутъ свои волшебные сады и построилъ тотъ великолѣпный Алупскій дворецъ, который своею красотою справедливо восхищаетъ и поражаетъ всѣхъ путешествующихъ по Крыму.

Алупскій дворецъ стоитъ на обширной террасѣ, возвышающейся футовъ на 50 надъ уровнемъ моря; онъ весь окруженъ густою массою зелени, а за нимъ возвышается величественный Ай-Петри. На мѣстѣ дворца когда-то громоздились страшныя массы гранита, сброшенныя съ высоты горъ, — вѣроятно дѣйствіемъ подземнаго огня. Эти массы были взорваны порохомъ, обтесаны и даже отполированы; и они-то, превратившись въ гладкія отполированныя плиты прекраснаго гранита, послужили для сооруженія, т. е. для всей внѣшней отдѣлки, этого чуднаго дворца, построеннаго въ видѣ массивнаго неправильнаго четвероугольника. Гранитъ, въ которой одѣтъ весь Алупскій дворецъ и изъ котораго сдѣланы всѣ мельчайшія детали стѣнныхъ украшеній, изъ-зелено-голубоватаго цвѣта, превосходно принимаетъ полировку, но чрезвычайно труденъ для обработки.

И легко себѣ представить по этому одному, какія громадныя суммы денегъ пошли на сооруженіе Алупскаго дворца. Архитектурный стиль этого замѣчательнаго строенія, это — искусное смѣшеніе стилей готическаго съ мавританскимъ. Всѣ эти колонки, башенки, мелкіе куполы, арабески и другія украшенія, въ видѣ кружевъ и фестоновъ, составляющіе наружный видъ дворца, все это сдѣлано изъ того же гранита, и все — самой тонкой, изящной работы и смѣло можетъ поспорить съ украшеніями самыхъ великолѣпныхъ мавританскихъ построекъ. Знаменитая Алгамбра, какъ видно, была постоянно въ воображеніи архитектора, когда онъ задумалъ планъ Алупскаго дворца. Особенною прелестью отличаются балюстрада дома и внутри изящные камины, съ превосходными

Schloss zu Alupka. — Алупскій замокъ.

рѣзными украшеніями, высѣченными въ цѣльномъ гранитѣ. Благодаря тому, что гранитъ, шедшій на отдѣлку дворца, находился почти тутъ-же, на мѣстѣ, камни кладены громадной величины, и оттого все строеніе пріобрѣло какой-то монументальный характеръ и вѣковую прочность.

По стѣнамъ, снизу до самой крыши, ползетъ темно-зеленый кавказскій плющь, что чрезвычайно гармонируетъ съ гранитными украшеніями. Крыша зданія, на которую всходятъ по прекрасной лѣстницѣ, устроена террасой, и отсюда открывается рѣдкій по своей прелести видъ: съ юга море, съ его скалистыми берегами; съ сѣвера Яйла, представителемъ которой на первый планъ выступаетъ гигантскій Ай-Петри; ближе къ дворцу возвышается среди зелени Алупская церковь; въ сторонѣ татарская деревня, вдали пестрѣютъ сосѣднія дачи съ бесѣдками, башнями, садами, и среди всего этого длинною полосою тянутся нескончаемые виноградники.

Дворецъ Алупскій былъ оконченъ въ 1837 году, къ самому пріѣзду въ Крымъ покойнаго Императора Николая Павловича съ Семействомъ, и высокіе посѣтители были первыми гостями новаго Алупскаго дворца. Радушный хозяинъ принималъ ихъ истинно по-царски. Всѣмъ современникамъ памятенъ этотъ пріѣздъ Августѣйшей Фамиліи на южный берегъ Крыма и Ея пребываніе въ Алупкѣ. Князь М. С. Воронцовъ устроилъ у себя тогда чисто-народный праздникъ. Вся Алупка, ея великолѣпные сады и всѣ скалы хаоса были дивно иллюминованы и горѣли разноцвѣтными огнями. Неприступныя возвышенности Ай-Петри, установленныя пылающими смоляными бочками, представляли чудную картину. Вся эта масса яркаго пламени отсвѣчивалась въ морской зыби. Огни были видны на весьма далекое разстояніе, и удивленные татары сбѣгались со всѣхъ сосѣднихъ деревень смотрѣть на рѣдкое для нихъ зрѣлище.

Къ пріѣзду Императора было также окончено и знаменитое южнобережское шоссе, или горная почтовая дорога отъ Алушты до Алупки, дорога, какихъ немного на Руси. Покойный Государь Императоръ былъ первымъ путешественникомъ по этой замѣчательной дорогѣ.

Алупскій дворецъ окружаютъ два сада — верхній и нижній и великолѣпный паркъ. Верхній

садъ расположенъ среди хаоса, у подножья гигантскаго Ай-Петри. Тутъ, въ тѣни многовѣковыхъ деревъ, устроены прозрачные пруды, въ которыхъ плаваетъ форель; среди гранитныхъ скалъ, обвитыхъ плющемъ, разбросаны клумбы рѣдкихъ растеній; вокругъ нихъ сбѣгаютъ ручьи по выложенному разноцвѣтными камешками дну; въ глубинѣ огромныхъ утесовъ устроены прохладные, таинственные гроты; въ красивыхъ павильонахъ бьютъ фонтаны; лабиринты дорожекъ приводятъ то къ громадной скалѣ, съ площадки которой открывается весь садъ, а вдали пестрая татарская деревня — Алупка, съ красивой мечетью, построенной княземъ Воронцовымъ вмѣсто бѣдной и ветхой мечети, существовавшей прежде, — то къ зеленой полянкѣ среди огромныхъ, заплетенныхъ фестонами, деревьевъ, и сквозь густую зелень ихъ сіяетъ золотой крестъ Алупской церкви. А тутъ миньятюрное «Меридово озеро», съ природной гранитной пирамидой посрединѣ. Изъ расположенныхъ не вдалекѣ оранжерей выглядываютъ дивныя растенія тропической почвы и свѣжій вѣтерокъ шевелитъ перистыми вѣтвями тутъ-же стоящихъ стройныхъ и высокихъ пальмъ.

Нижній садъ совершенно въ другомъ вкусѣ.

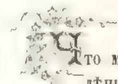
Это — чисто англійскій садъ, напоминающій самые прекрасные сады богатыхъ англійскихъ лордовъ. Онъ расположенъ на выровненной отлогости горы, спускающейся къ самому морю. Красивыя дорожки, среди роскошныхъ магнолій, павлоній, мимозъ, олеандровъ и огромныхъ померанцевыхъ деревъ, вьются здѣсь по всѣмъ направленіямъ. Тутъ расположены клумбами массы камелій, ацалій и другихъ самыхъ чудныхъ и дорогихъ растеній; рощи громадныхъ кипарисовъ, какіе едва ли встрѣчаются гдѣ либо на южномъ берегу Крыма; чудные цвѣтники, фонтаны, гранитныя лѣстницы, рощицы, лужайки, чугунныя рѣшетки, вазы, балюстрады, и всевозможная роскошная обстановка богатыхъ англійскихъ садовъ довершаютъ прелесть нижняго сада Алупки. Здѣсь-же, на берегу моря, устроена красивая купальня, а въ концѣ сада находится вся увитая зеленью и засаженная великолѣпными кипарисами чистая и удобная гостинница для путешественниковъ. Между кипарисами, окружающими гостинницу, есть два историческихъ: говорятъ, ихъ посадилъ «великолѣпный

князь Тавриды», — Потемкинъ, во время путешествія въ Крымъ Екатерины II; такъ какъ они находятся близъ гостинницы, — то ее и называютъ «Гостинницею двухъ кипарисовъ».

Въ 1853 году скалистымъ берегамъ Алупки придавалъ особенно оригинальный видъ и невольно напоминалъ о тѣхъ временахъ, когда древніе Греки называли берега Тавриды «негостепріимными», — остовъ погибшаго около Алупки большаго и прекраснаго русскаго парохода *Еникале*. Пароходъ этотъ довольно долго стоялъ здѣсь на берегу, качаясь среди скалъ, разбиваемый прибоемъ морскихъ волнъ.

ОРІАНДА.

Что можетъ быть очаровательнѣе и живописнѣе горной дороги, вьющейся мимо самыхъ великолѣпныхъ дачъ южнаго берега Крыма, которыми унизанъ этотъ берегъ, на разстояніи отъ Ялты до Алупки? Дорога эта, извиваясь зигзагами, тянется все вдоль морскаго берега и нечувствительно поднимается въ гору, достигая мѣстами до довольно значительной высоты (1800 фут.), — до самой подошвы неприступныхъ и стоящихъ отвѣсною стѣною скалъ хребта Яйлы. А между тѣмъ, вы ѣдете по этой замѣчательной дорогѣ въ какомъ хотите экипажѣ, съ какою хотите быстротою, и ѣдете вездѣ точно среди какого-нибудь роскошнѣйшаго англійскаго парка. Васъ поражаютъ здѣсь на каждомъ шагу и очаровываютъ невольно то роскошная и разнообразная зелень богатыхъ растеній, то дикіе утесы скалъ, громоздящихся въ безпорядкѣ одна на другую, то мелькающія по сторонамъ великолѣпныя дачи, съ ихъ небольшими дворцами, готическими замками, башнями, красивыми домиками, которые буквально тонутъ въ самой роскошной зелени богатыхъ садовъ и въ клумбахъ и гирляндахъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ. Къ довершенію очарованія слѣва у васъ стелется необозримая морская гладь, которая блеститъ разноцвѣтными переливами на солнцѣ и незамѣтно сливается съ горизонтомъ и которую вы ни на минуту не теряете изъ вида; а съ права тянется хребетъ Яйлы, то заросшій лѣсомъ, то возносящійся къ верху дикими, обнаженными скалами и утесами—самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаній.

На этой-то очаровательной дорогѣ, на седьмой верстѣ отъ Ялты и въ одной верстѣ съ половиною отъ Ливадіи, васъ остановитъ невольно величественный видъ на Императорскую *Оріанду*, принадлежащую теперь Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу.

ORIANDA. — Оріанда

Оріанда является влѣво отъ дороги и — вамъ кажется — лежитъ въ глубокой и пространной впадинѣ, обставленной со всѣхъ сторонъ грандіозными скалами, посреди которыхъ, на великолѣпной террасѣ, склоняющейся къ морю, поставленъ царскій дворецъ. Съ одной стороны дворца возвышается, на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, обрывистая, неприступная скала, на вершинѣ которой водруженъ большой позолоченный крестъ, а съ другой стороны, на скалѣ меньшей высоты, но не менѣе утесистой и не менѣе грандіозной по виду, высится легкая, сквозная бесѣдка на прекрасныхъ колоннахъ, построенная въ видѣ древняго греческаго храма. Вокругъ самаго дворца. на террасѣ и вокругъ дворцовыхъ строеній, стоящихъ неподалеку въ сторонѣ, вы видите цѣлое море зелени и группы огромныхъ, роскошно растущихъ деревъ, и вы не можете не удивлятся могучей растительной силѣ этого благодатнаго уголка земли. А у подножія дворца блеститъ и волнуется безпредѣльное море. Все это вамъ представляется при первомъ взглядѣ на Оріанду, все это вы видите уже съ большой дороги, по которой ѣдете. Но спуститесь внизъ по хорошо устроенной, экипажной дорогѣ, которую вамъ укажетъ красивый караульный домикъ, съ башнею, стоящею у воротъ Оріанды, — и разнообразіе, обширность и рѣдкая красота живописныхъ видовъ этой дикой и вмѣстѣ величавой мѣстности васъ будутъ поражать на каждомъ шагу и на долго не изгладятся изъ вашей памяти.

Не далеко отъ воротъ, на превосходной террасѣ, съ которой уже открывается очаровательный видъ вглубь на всю Оріанду, стоитъ домъ для управляющаго, съ бѣлою башнею впереди. Вы спускаетесь далѣе, по дорогѣ вправо, и ѣдете въ началѣ дороги подъ крытой аллеей, увитой виноградомъ. Вы достигаете нечувствительно до террасы, на которой стоитъ дворецъ, и отсюда восхищаетесь вполнѣ Оріандой, во всей ея суровой красотѣ. Глаза ваши попеременно останавливаются то на нестройныхъ массахъ каменныхъ скалъ, подымающихся со всѣхъ сторонъ, то на глубокихъ впадинахъ, густозаросшихъ лѣсомъ, то на неприступныхъ скатахъ и отлогостяхъ горъ, спускающихся къ самому морю и покрытыхъ яркою зеленью и огромными деревьями; а между ними съ шумомъ сбѣгаютъ къ морю свѣтлые горные ручьи и потоки. И посреди этого грандіознаго хаоса

природы, вы встрѣчаете весьма искусно разбитый англійскій садъ; и дикіе мрачные утесы скалъ, зелень деревъ, горизонтъ моря смѣняются у васъ на каждомъ шагу и вы попеременно переходите отъ видовъ природы, самыхъ суровыхъ и дикихъ, къ самымъ веселымъ и восхитительнымъ. Вы вполнѣ понимаете, почему императоръ Александръ I избралъ это мѣсто и хотѣлъ устроить здѣсь свою уединенную резиденцію, въ удаленіи отъ дѣлъ и въ одномъ сосѣдствѣ съ дивными картинами природы и съ близкими ему людьми.

Во время путешествія своего по Крыму, эта дикая мѣстность, своею уединенною красотою, своими мрачными и рѣдко живописными горами, высокими многовѣковыми деревьями и прозрачностью горныхъ ручьевъ до такой степени очаровала высокаго путешественника, что онъ рѣшился пріобрѣсти Оріанду *). Въ то время Оріанда принадлежала графу Кушелеву-Безбородко; но ея владѣлецъ оставлялъ ее въ томъ-же запустѣніи, въ какомъ она находилась съ давнихъ временъ, и единственной постройкой на ней была небольшая греческая или татарская хижинка. Хижинка эта была очищена и въ ней устроено было временное помѣщеніе для императора въ его новомъ владѣніи, готовно уступленномъ ему графомъ Кушелевымъ-Безбородко.

Неприступныя скалы, съ ясными еще на нихъ слѣдами древнихъ укрѣпленій и жилищъ, страшныя пропасти, утесы, съ пространными площадками, съ которыхъ видѣнъ почти весь южный берегъ до Аюдага, густые лѣса, растущіе на отвѣсныхъ высотахъ, источники, сбѣгающіе каскадами по острымъ, сѣрымъ утесамъ, — все это послужило великолѣпною рамою для устроеннаго здѣсь англійскаго сада, для разведенныхъ виноградниковъ, для обширнаго, расчищеннаго среди многовѣковаго лѣса, парка и наконецъ для царскаго дворца, воздвигнутаго уже послѣ смерти Александра I, когда Оріанда, по желанію покойнаго императора Николая Павловича, перешла къ его Августѣйшей супругѣ, Александрѣ Θеодоровнѣ.

*) Прежде она называлась *Урьенда*, *Урьанда* (татары и теперь даютъ ей это послѣднее названіе). Императоръ Александръ I назвалъ ее *Оріандой*.

Schloss zu Orianda. — Замокъ въ Оріандѣ.

Низменное положеніе дворца, почти на берегу моря, громадные утесы и высочайшія деревья, его окружающія, придаютъ всему зданію дворца нѣсколько суровый и мрачный видъ; но тѣмъ не менѣе этимъ положеніемъ своимъ онъ вполнѣ отвѣчаетъ вкусу любителей строгихъ видовъ природы.

Архитектура дворца, простая и строгая, совершенно соотвѣтствуетъ мѣстности Оріанды. Видъ на дворецъ съ большой дороги и съ моря необыкновенно живописенъ. Все зданіе дворца обнесено террасами, на которыхъ красуются клумбы рѣдкихъ растеній и множество самыхъ богатыхъ цвѣтовъ; гирлянды розъ и другихъ вьющихся растеній роскошно увиваютъ всѣ балюстрады и балконы зданія. Особенно хорошъ балконъ, обращенный къ морю и поддерживаемый восмью богатыми каріатидами. Внутри дворца замѣчателенъ особенно такъ называемый «помпейскій дворикъ»; онъ украшенъ стѣнною живописью, на манеръ живописи въ Помпеи и поддерживается большими колоннами изъ темнаго крымскаго мрамора, удивительной полировки и работы; потолокъ его стеклянный; по срединѣ бьетъ фонтанъ; по угламъ, у колоннъ, разставлены чудныя тропическія растенія.

Виды Оріанды отовсюду — съ балконовъ дворца, со скалы, на которой водруженъ крестъ, какъ равно и со скалы съ павильономъ — самые обширные. Видны ялтинская бухта и Ялта, со всей ея очаровательной долиной, и весь берегъ далѣе до Аюдага. Маршалъ Мармонъ, путешествовавшій въ Крыму въ 30-хъ годахъ, справедливо говоритъ, что мѣстность Оріанды «и величественна и живописна и вмѣстѣ миловидна»; а острыя и обнаженныя скалы, господствующія надъ Оріандой, напоминаютъ, по его словамъ, «самые строгіе виды Альповъ». Съ одной изъ подобныхъ скалъ, спускающихся къ берегу моря, по острымъ камнямъ и въ глубокомъ ущельи, густо заросшемъ гигантскими деревьями, — съ шумомъ сбѣгаетъ величественный оріандскій водопадъ. Деревья, нависшія надъ водою, и ползучія растенія, цѣпляющіяся по скаламъ, придаютъ много дикости общей картинѣ водопада и невольно напоминаютъ дѣвственные лѣса Америки. Крымскія лани, пугливо пробѣгающія среди деревъ, еще болѣе усиливаютъ сходство этой мѣстности съ первобытною природою дѣвственныхъ лѣсовъ новаго свѣта.

ЛИВАДІЯ.

Первая изъ замѣчательныхъ дачъ южнаго берега Крыма, которую вы встрѣчаете на пути изъ Ялты въ Алупку, это *Ливадія*, дача Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. На третьей верстѣ отъ Ялты уже стелятся богатые виноградники и открывается обширный паркъ Ливадіи, съ его бархатистыми лужайками и гигантскими деревьями, съ его красивыми клумбами рѣдкихъ растеній и роскошными цвѣтниками. Среди всего этого растительнаго богатства красуется дворецъ Государя Наслѣдника. Онъ построенъ въ восточномъ вкусѣ. Глубокіе балконы, въ видѣ кіосковъ, обнесены тонкими рѣшетками; а пестрота окраски и высокія трубы, въ видѣ тонкихъ башенокъ, или минаретовъ, составляютъ удивительный эффектъ, среди массы растеній, его окружающихъ. Внутренняя отдѣлка дворца соотвѣтствуетъ его наружному виду. Широкіе диваны, ковры, небольшія, но уютныя комнаты — все дышетъ роскошною простотою и удобствомъ.

Красивая, легкая лѣстница ведетъ на крышу дворца, гдѣ устроена пространная терраса, также обнесенная рѣшетками. Надъ нею развертывается легкій навѣсъ для защиты отъ крымскаго жгучаго солнца. Видъ съ этой террасы самый пестрый и оживленный: кромѣ Яйлы и моря, этихъ роскошныхъ рамъ, въ которыя вправлены всѣ картины природы южнаго берега Крыма, у подошвы дворца раскинулась вся Ливадія, съ ея садами, виноградниками, цвѣтниками и многочисленными постройками. Съ одной стороны видна Ялта, *Масандра*, *Никита*, во всей ихъ отдаленной красѣ; а съ другой — рисуются причудливые утесы Оріанды и вьется, въ граціозно изломанныхъ кривыхъ линіяхъ, берегъ моря.

PALAST DES THRONFOLGERS. — Дворецъ Наслѣдника

Livadia — Ливадія

За дворцомъ Наслѣдника, ближе къ почтовой дорогѣ, стоитъ дворецъ Государыни Императрицы. Дворецъ, какъ вообще вся Ливадія, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому назначенію, какое угодно было дать этому очаровательному убѣжищу его царственнымъ владѣтелямъ. Высокіе хозяева Ливадіи ищутъ здѣсь уединенія и отдыха отъ царственныхъ заботъ, въ прекрасномъ климатѣ и посреди благодатной природы юга. Потому дворцы и всѣ зданія Ливадіи, не поражая ни особенною роскошью, ни обыкновеннымъ величіемъ царскихъ жилищъ, отличаются одною изящною простотою и удобствомъ. Царскій дворецъ Ливадіи — это прекрасный загородный домъ, отдѣланный съ чрезвычайнымъ вкусомъ, но и съ чрезвычайною простотою. Онъ построенъ еще прежнимъ владѣтелемъ Ливадіи, графомъ Потоцкимъ, и въ главныхъ частяхъ своихъ оставленъ почти безъ измѣненія. Онъ только-нѣсколько увеличенъ пристройкою къ нему обширной галлереи; а находившаяся за этою галлереею католическая капелла графа Потоцкаго обращена въ небольшую, но отличающуюся строгимъ изяществомъ, православную церковь, въ византійскомъ стилѣ.

Въ пристройкѣ, сдѣланной съ одной стороны дома къ нижнему этажу и имѣющей видъ легкой стеклянной галлереи (которая видна на нашей картинкѣ), помѣщается обширная столовая. Снаружи она вся увита виноградомъ, а внутри украшается цвѣтами и рѣдкими растеніями, посреди которыхъ бьетъ водометъ и поставлена статуя Пенелопы, изъ бѣлаго мрамора, принесенная Государынѣ Императрицѣ въ даръ одесскимъ купечествомъ.

Дворецъ Ливадіи, главнымъ фасадомъ своимъ, обращенъ на Ялту. Устройство переднихъ балконовъ, галлерей, оконъ и всѣхъ наружныхъ украшеній зданія обличаетъ весьма искуснаго художника въ его архитекторѣ и строителѣ. Передъ дворцомъ, на ровной площадкѣ, разбросаны клумбы южныхъ растеній и съ рѣдкимъ вкусомъ разбиты цвѣтники; а немного поодаль, на небольшой покатости, устроена великолѣпная крытая аллея изъ розъ и другихъ вьющихся растеній, поддерживаемыхъ чугунными колонками; между этими растеніями особенно отличаются своею рѣдкою красотою и чрезвычайно нѣжнымъ запахомъ бѣлыя и блѣдно-палевыя розы. Вы входите въ эту аллею, или

вѣрнѣе сказать, въ эту воздушную галлерею, по широкимъ уступамъ, или ступенямъ, сдѣланнымъ изъ портландскаго цемента. Отсюда, равно какъ и съ балконовъ и галлерей дворца, открывается рѣдко живописный видъ на Ялту, на окрестныя горы и на ялтинскую бухту. Переднюю часть картины составляютъ большой англійскій паркъ и обширные виноградники Ливадіи, между которыми разбросаны красивыя караулки для сторожей, построенныя въ видѣ павильоновъ, — внизу съ помѣщеніемъ для сторожа, а на верху — съ платформой, обнесенной перилами.

Не менѣе прелестенъ видъ и по другую сторону дворца. Вы видите весь берегъ моря, до самаго алупскаго мыса, окаймленный великолѣпными дачами и идущій извилинами у самаго подножія высокихъ скалъ, какъ-бы нависшихъ надъ волнами; у васъ передъ глазами вся Оріанда, съ ея дикими и гигантскими скалами и утесами; далѣе виднѣются *Гаспра*, *Кореизъ*, *Мисхоръ* и наконецъ Алупка. А по-ниже Оріанды, къ самому морю, васъ останавливаетъ *Айтодарскій* мысъ, далеко выступающій въ море тремя, почти вертикальными утесами; и на одномъ изъ этихъ утесовъ, между зеленью громадныхъ хвойныхъ деревъ, бѣлѣетъ маякъ. Видъ этотъ особенно хорошъ въ лунную ночь, когда море какъ-бы дрожитъ подъ тихими лучами луны, и она обливаетъ своимъ фантастическимъ свѣтомъ всѣ береговые горы и утесы, всю зелень садовъ, между которыми, какъ блуждающіе огоньки, мерцаютъ огни изъ оконъ сосѣднихъ дачъ. Ярко освѣщенный маякъ бросаетъ далекую полосу свѣта въ море и придаетъ что-то волшебное всей этой очаровательной картинѣ. Очарованіе довершаютъ запахъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, тихій плескъ волнъ и видъ глубокаго, синяго звѣзднаго неба. Все это напоминаетъ вамъ невольно прелестныя итальянскія виллы у береговъ Сициліи.

PALAST ZU LIVADIA. — ДВОРЕЦЪ ВЪ ЛИВАДІИ.

ЯЛТА.

На всемъ южномъ берегу Крыма, богатомъ такими разнообразными и очаровательными картинами природы, едва-ли можно встрѣтить мѣстность болѣе живописную той, которую занимаетъ Ялта. Ученый швейцарецъ, Дюбуа де Монпере, путешественникъ столько же серьезный и неутомимый, сколько и одаренный тонкимъ сочувствіемъ къ красотамъ природы, описывая ялтинскую долину, говоритъ: «De l'eglise la route va en descendant jusqu'a Jalta, et je puis dire qu'il n'y a rien en Crimée qui approche de l'effet majestueux qui produit la double vallée que s'ouvre dans les planes de la muraille taurique. Huit fois je suis venu visiter ce superbe amphithéatre, et la huitième fois m'étonne encore plus que la première. J'ai observé la vallée de Jalta de toutes les positions, et de partout elle est belle et grandiose» *). И Дюбуа совершенно справедливъ; потому что Ялта и ея долина всегда производятъ сильное и глубокое впечатлѣніе на путешественника, впервые посѣщающаго южный берегъ Крыма, особенно когда онъ подходитъ къ Ялтѣ съ моря, на пароходѣ. Первое, что его поражаетъ—это подымающійся стѣною хребетъ Яйлы, возвышающійся у Ялты на 5 т. ф. надъ уровнемъ моря. Отходя отъ берега, не болѣе какъ на полъ-версты разстоянія, онъ изгибается полукругомъ, въ видѣ магометанской луны, и представляетъ изъ себя раму, въ которую вправлена миньятюрная, но до чрезвычайности картинная Ялта, съ своею бухтою, которая придана Ялтѣ, какъ-бы для украшенія, а не для того, чтобы служить гаванью для судовъ и пароходовъ. Вершины горъ, обрамливающихъ Ялту, голы и каменисты; а съ половины ихъ тянутся вѣчно-зеленые лѣса

*) Voyage autour du Caucase etc. et en Crimée. T. VI, p. 57.

крымской сосны; внизу-же, у ихъ подножія, растилаются почти сплошною массою сады Аутки, Дерикоя и Айвасиля, богатѣйшихъ по своей растительности деревень, заключенныхъ въ ялтинскихъ долинахъ. Сребристыя горныя рѣчки и отдѣляющіеся отъ нихъ потоки, какъ лентами, опоясываютъ эти сады, теряясь въ ихъ массивной и до невѣроятности разнообразной зелени. Деревни Аутка, Дерикой и Айвасиль, расположеныя амфитеатромъ, красиво пестрѣютъ посреди своихъ садовъ, окруженные высокою стѣною пирамидальныхъ тополей.

Сама Ялта выстроена на сѣверномъ берегу своей бухты, или морскаго залива, заключеннаго между двумя мысами, и первый предметъ, который вамъ бросается въ глаза, когда вы приближаетесь къ ялтинскому берегу съ моря, — это церковь, стоящая направо, на уступѣ горы, выдающейся въ море; она чрезвычайно красивой архитектуры, съ довольно большимъ куполомъ по срединѣ, а по угламъ красуются еще четыре другихъ купола, по-меньше. Церковная колокольня, черезъ которую открывается входъ въ самую церковь, возвышается надъ куполами церкви и имѣетъ видъ готической башни. Церковь густо засажена кипарисами и другими вѣчно-зелеными деревьями и кустами,—что, вмѣстѣ съ оригинальной архитектурой церкви, производитъ поразительный эффектъ съ моря. Пониже церкви, влѣво, бѣлѣютъ и всѣ немногочисленныя строенія Ялты, которыя смотрятся въ море до того картинно, что не вѣрится, чтобы это былъ въ дѣйствительности городокъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе тысячи душъ жителей, и до крайности оживленный въ лѣтній сезонъ, когда онъ наполняется путешественниками.

Расположенная надъ самымъ заливомъ, Ялта лѣпится вокругъ своего берега и тянется далѣе вверхъ къ отлогостямъ горнаго хребта, образуя, такимъ образомъ, амфитеатръ, верхній ярусъ котораго состоитъ изъ дачъ, съ красивыми домиками, совершенно потонувшими въ кипарисныхъ и лавровыхъ рощахъ и въ роскошныхъ цвѣтникахъ. Среди нихъ разбросаны тамъ и сямъ скатившіеся когда-то съ Яйлы гранитные утесы, увитые плющемъ, страстноцвѣтомъ и другими вьющимися растеніями. Нижній ярусъ этого амфитеатра составляютъ уже собственно городскія строенія, стоящія

JALTA. Ялта

почти у оконечности бухты, строенія — большею частію двухъ-этажные и красивой архитектуры. Надъ самымъ моремъ стоитъ фонтанъ, падающая вода котораго наполняетъ гранитную чашу. Набережная, съ гранитной балюстрадой, засажена деревьями и во время сезона почти всегда наполняется гуляющими. Тутъ стоитъ пестрый домикъ агентства русскаго общества пароходства и торговли и устроена небольшая, но довольно хорошая пристань, съ павильономъ. Тутъ пристаютъ пароходы; тутъ-же всегда бываетъ привязано множество лодокъ, а на рейдѣ качаются на волнахъ нѣсколько небольшихъ судовъ. За набережной, влѣво, опять пестрѣютъ небольшія дачи, — такія красивенькія и улыбающіяся и до такой степени завитыя розами и заросшія цвѣтами, что уютные домики ихъ почти всѣ скрыты въ этой пестрой массѣ зелени и цвѣтовъ.

Таковъ общій видъ Ялты, которая, какъ городъ, имѣетъ, собственно говоря, двѣ улицы: главную, идущую по набережной, гдѣ стоятъ всѣ лучшія постройки, и другую, идущею за нею, — внутреннюю улицу, гдѣ находятся лавки, базары и пр. Красивѣйшія дома на набережной — это — принадлежащіе экономіи царскаго имѣнья Ливадія, гдѣ помѣщаются — «клубъ южнаго берега Крыма» и лучшіе магазины, домъ князя Воронцова, домъ г. Галахова и вновь построенное зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ.

Ялта сдѣлана уѣзднымъ городомъ только въ 1838 году, во время управленія Новороссійскимъ краемъ покойнымъ княземъ М. С. Воронцовымъ, который собственно и создалъ Ялту, построивъ ее на мѣстѣ, гдѣ въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ стояло двѣ-три греческихъ хижины, не болѣе; но въ древности на мѣстѣ нынѣшней Ялты находился довольно большой и значительный византійскій городъ и портъ, называвшійся *Галита* или *Ялита* (крымскіе греки и теперь такъ называютъ Ялту).

Городъ этотъ извѣстенъ и восточнымъ географамъ подъ именемъ *Джалита*. Онъ былъ обнесенъ стѣною и имѣлъ крѣпость внутри стѣнъ. Послѣ грековъ, ялтинскою крѣпостью завладѣли генуэзцы, а послѣ нихъ въ Ялтѣ находился турецкій гарнизонъ. Слѣдовъ древняго города и укрѣпленія

теперь не осталось въ Ялтѣ никакихъ. Въ 30-хъ годахъ были видны еще остатки древнихъ укрѣпленій и слѣды старинной греческой церкви, во имя св. Іоанна, на мысѣ, на которомъ стоитъ и нынѣшняя ялтинская церковь, только по-ниже ее, къ самому морю. Но инженеры, строившіе въ то время моллу въ Ялтѣ, разрушили эти остатки древнихъ строеній и совершенно раззорили древнія стѣны, употребивъ ихъ камни на постройку моллы, такъ что теперь не видно никакихъ слѣдовъ этихъ древнихъ построекъ. Въ наказаніе за такое невѣжественное обращеніе съ остатками древностей, построенная инженерами молла была разбита въ первое послѣ постройки волненіе моря, — и камни, служившіе единственнымъ воспоминаніемъ о древнихъ обитателяхъ Ялты, унесены въ море и навсегда покрылись морскими волнами.

АУТКА.

Посѣтители Ялты любуются обыкновенно ближайшими окрестностями ея изъ самаго города и спѣшатъ въ Ливадію, въ Оріанду, въ Алупку, не желая углубиться въ тѣ темно-зеленыя кущи, которыя разбросаны по скату Яйлы и такъ очаровательно окаймляютъ Ялту. Но на эту густую зелень южной растительности, на эту пестроту домиковъ — мало глядѣть изъ-дали; надо подняться въ греческую деревню *Аутку*, въ самый центръ этой зелени, и поближе подойти къ ея хорошенькимъ домикамъ, такъ кокетливо выглядывающимъ изъ подъ мрачныхъ, высокихъ кипарисовъ. Это недалеко, всего одна верста отъ Ялты, и дорога, ведущая въ деревню, своротивъ въ-право отъ почтовой дороги и подымаясь въ гору, такъ густо унизана садами, садиками и дачками, что вы и не примѣтите, когда очутитесь въ Аутке.

Греческая деревня Аутка прежде была расположена въ долинѣ, по которой протекаетъ быстрый горный потокъ или рѣчка, которая также называется *Ауткой*. Но въ послѣдніе годы деревня такъ разрослась, что ей тѣсно стало у береговъ своей рѣчки, и она разметалась далеко по горной отлогости, спускающейся къ долинѣ, и украсилась многими прекрасными дачами и домиками, которые отдаются въ наемъ на лѣтній сезонъ пріѣзжимъ посѣтителямъ южнаго берега.

Видъ представленный на нашемъ рисункѣ, даетъ ясное понятіе объ этихъ дачахъ и домикахъ.

Почти у подошвы сплошной стѣны горнаго кряжа Яйлы, возвышающейся у этого мѣста на 5.000 футовъ надъ уровнемъ моря, расположены здѣсь всѣ эти сады и дачи, принадлежащіе разнымъ владѣльцамъ: тѣ-же домики и дачи, которые по-ближе къ Ауткѣ, принадлежатъ преимущественно тамошнимъ грекамъ. Почти всѣ эти дачи окружены виноградниками, фруктовыми деревьями и хорошенькими цвѣтниками. Рѣзко отдѣляется посреди этихъ небольшихъ дачь прекрасная и богатая дача г. Дундукова-Корса

кова, расположенная на самой возвышенности. Огромный, превосходно-разбитый садъ и роскошные цвѣтники окружаютъ здѣсь домъ владѣльца. Видный затѣмъ, на лѣвой сторонѣ картины, садъ принадлежитъ къ дачѣ г. Галахова. А на право отъ нея, черезъ дорогу, ведущую въ Аутку, построены недавно два хорошенькіе домика, фантастической архитектуры, принадлежащіе ко вновь устроеннымъ здѣсь дачамъ кн. Голицына и барона Врангеля. Собственно деревни Аутки отсюда невидно; она скрывается за горою, изъ-за которой виднѣются только вершины многовѣковыхъ орѣховъ и другихъ деревъ, раскидывающихъ свои могучія вѣтви въ садахъ и надъ домиками аутквнскихъ жителей

Какъ ни замѣчательна деревня Аутка по роскоши своихъ садовъ, по своей населенности и по прекраснымъ качествамъ и богатству воды въ своихъ фонтанахъ; но еще замѣчательнѣе, по своей удивительной прелести, тотъ видъ, который открывается изъ оконъ почти каждой ея дачки, изъ каждой аллеи ея садовъ. Съ-права, къ юго-западу, коническая гора *Могаби* господствуетъ надъ всей картиной и служитъ ей рамою съ этой стороны. За нею виднѣются, почти надъ самымъ моремъ, сады Оріанды и Ливадіи; ближе къ Ялтѣ вьется почтовая дорога и у самаго моста пестрѣетъ красивая дача г. Лѣсиневича. Прямо на югъ рисуется вся Ялта, съ ея готическою церковью, стоящею влѣво на возвышенности, съ ея строеніями надъ моремъ и съ ея окрестными дачками, скрывающимися въ густой и темной зелени. Къ востоку, съ лѣвой стороны, обрамляетъ картину *Никитскій мысъ*, далеко выдающійся въ море, — и отъ него, по-среди темной зелени кипарисовъ, проглядываютъ строенія *Масандры* и другихъ сосѣднихъ дачъ.

Въ виду этой богатой горной картины синѣетъ море, въ безпредѣльномъ пространствѣ, и надъ нимъ ясное крымское небо.

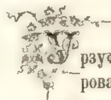
Это такая панорама, прелесть которой не легко и не скоро позабывается. Вся эта гармонія цвѣтовъ и тѣней неба, моря и зелени, вся эта пестрота довольно оживленной Ялты въ лѣтній сезонъ, особенно въ день появленія пассажирскаго парохода, производятъ въ зрителѣ необыкновенное очарованіе.

AUTKA Аутка.

УРЗУФЪ и АЮДАГЪ

(МЕДВѢДЬ-ГОРА).

Урзуфская — или лучше — «гурзуфская» (*) долина принадлежитъ едва-ли не къ самымъ очаровательнымъ уголкамъ южнаго берега Крыма по своей богатой и роскошной растительности и по удивительной прелести и вмѣстѣ грандіозности своей общей горной картины. Она лежитъ у небольшаго морскаго залива, имѣющаго видъ довольно хорошей полукруглой бухты, замыкаемой съ одной стороны горою Аюдагомъ, а съ другой мысомъ Никита-Бурунъ, глубоко вдавшимся въ море. Отъ сѣвера и сѣверо-востока долина защищена хребтомъ Яйлы, покрытымъ на высотахъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Начиная отъ самаго Аюдага, тамъ и сямъ, разбросаны по долинѣ и у подошвы горнаго хребта громадныя каменныя массы, цѣлыя груды скалъ, отдѣльно стоящихъ, — самыхъ странныхъ и прихотливыхъ очертаній. Эти грандіозные слѣды геологическаго переворота, бывшаго когда-то на Крымскомъ полуостровѣ, одинъ ученый геологъ (Дюбуа де Монпере) называетъ настоящимъ хаосомъ: Une montagne fracassée — говоритъ онъ — a semé le sol de ses débris et jusqu'au delà d'Oursouf — l'on marche au milieu d'un chaos. Такія каменныя громады стоятъ мѣстами у морскаго берега и показываются частію въ самомъ гурзуфскомъ заливѣ, какъ напримѣръ, двѣ огромныя сѣрыя скалы, изображенныя на нашемъ пейзажѣ (**). На одной изъ подобныхъ же скалъ, у входа

(*) Татары и прочіе жители Крыма вообще говорятъ *Гурзуфъ*, а не *Урзуфъ*; потому, кажется, правильнѣе держаться перваго названія, согласно съ мѣстнымъ произношеніемъ. Въ древности Гурзуфъ былъ извѣстенъ подъ разными именами: Гурзувита Грузуи, Курзуфъ, Урзова и пр.

(**) По измѣренію г. Дюбуа эти двѣ скалы, называемыя татарами просто *Ташеларъ* (камнями), возвышаются надъ водою на 170 и погружены въ волнахъ на 160 футовъ, слѣд. всего имѣютъ высоты 330 футовъ. Эта высота можетъ дать понятіе и о другихъ скалахъ гурзуфской долины.

въ деревню Гурзуфъ,—со стороны Аюдага, было устроено и древнее гурзуфское укрѣпленіе, картинныя развалины котораго видны еще и теперь.

Татарская деревня Гурзуфъ расположена амфитеатромъ и чрезвычайно живописно по скату холма, у подножія котораго бѣжитъ свѣтлый и богатый водою горный источникъ. Благодаря обилію воды, татарскіе домики Гурзуфа, съ ихъ плоскими крышами, буквально тонутъ въ цѣломъ лабиринтѣ свѣжей и яркой зелени, посреди огромныхъ орѣховыхъ деревъ, пирамидальныхъ тополей и фиговыхъ деревъ.

Но главное богатство и красоту гурзуфской долины конечно составляетъ прекрасная дача и очаровательный садъ г. Фундуклея, расположенный на холмистой мѣстности, спускающейся отъ самой почтовой дороги къ покатому берегу моря По искуству, съ которымъ онъ разбитъ, по своему англійскому парку и по богатству рѣдкихъ южныхъ растеній, этотъ садъ принадлежитъ безспорно къ самымъ замѣчательнымъ садамъ южнаго берега Крыма. Посреди большаго и разнообразнаго собранія превосходныхъ деревъ и рѣдкихъ южныхъ растеній всѣхъ родовъ, какъ-то: гранатовыхъ, смоковничныхъ, каштановыхъ, лавровыхъ и многихъ другихъ вѣчно-зеленыхъ (sempevirens) южныхъ растеній, по всему саду массами подымаются мрачные кипарисы и стройные итальянскіе тополи, — что придаетъ общему ландшафту сада необыкновенную прелесть и изящество. Особенно богатъ рѣдкими, красивыми растеніями англійскій паркъ передъ самымъ домомъ, гдѣ красуются огромныя магноліи съ ихъ пышными бѣлоснѣжными цвѣтами, наполняющими воздухъ благоуханіемъ. Не менѣе прекрасны здѣсь всѣ rose rémontante: вы видите цѣлую аллею изъ розовыхъ деревъ, верхушки которыхъ покрыты розовыми, бѣлыми и пунсовыми цвѣтами, приколированными къ одному и тому же кусту. Великолѣпныя тополи составляютъ ограду Фундуклеевскаго сада со стороны моря, волны котораго тихо всплескиваются на покатый берегъ у самаго ихъ подножія.

Красивый господскій домъ въ этомъ богатомъ имѣніи г. Фундуклея поставленъ на весьма

URSUF U. D. BÄRENBERG.

Урзуфъ и Медвѣдь гора.

выгодномъ мѣстѣ, и съ галлереи его открывается великолѣпный видъ на горы, на татарскую деревню, на гурзуфскія скалы и на море.

Съ этимъ домомъ и вообще съ дачей г. Фундуклея соединено воспоминаніе о герцогѣ де Ришелье, бывшемъ Новороссійскомъ губернаторѣ, которому нашъ край такъ много обязанъ своимъ первоначальнымъ устройствомъ. Герцогъ Ришелье былъ первымъ владѣльцемъ Гурзуфа и домъ, построенный имъ здѣсь, былъ однимъ изъ первыхъ домовъ, первымъ началомъ русской колонизаціи на южномъ берегу Крыма, когда здѣсь не было еще ни дорогъ и никого изъ другихъ жителей, кромѣ татаръ. Ришелье завѣщалъ это имѣніе бывшему своему адъютанту, — потомъ извѣстному археологу, — Стемпковскому, отъ котораго оно было пріобрѣтено другимъ устроителемъ Новороссійскаго края, графомъ М. С. Воронцовымъ, и уже отъ графа Воронцова Гурзуфъ перешелъ къ его настоящему владѣльцу.

Но есть еще другое, дорогое для каждаго русскаго, воспоминаніе, которое соединено съ именемъ Гурзуфа и съ домомъ на бывшей дачѣ герцога Ришелье. На этой дачѣ и въ этомъ домѣ жилъ одно время Пушкинъ, въ семействѣ генерала Раевскаго, одного изъ героевъ двѣнадцатаго года. Раевскій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, возвращался (въ августѣ 1820 г.) съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ Крымъ, гдѣ въ то время проводило лѣто его семейство, на дачѣ герцога Ришелье въ Гурзуфѣ, которую онъ уступилъ для этого Раевскому, — своему товарищу по военной службѣ.

Жизнь въ Гурзуфѣ и обозрѣніе роскошныхъ береговъ Крыма оставили въ Пушкинѣ самыя живыя и поэтическія впечатлѣнія, которыя онъ передавалъ потомъ въ такихъ чудныхъ стихахъ и къ которымъ такъ часто возвращался и въ стихахъ своихъ и въ письмахъ къ друзьямъ. Изъ Керчи до Гурзуфа Пушкинъ плылъ на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала Раевскаго. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ барону Дельвигу, онъ говоритъ объ этомъ плаваніи: «Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Гурзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную:

разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ.... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море и блескъ и воздухъ полуденный..... Въ Гурзуфѣ жилъ я сиднемъ, — продолжаетъ Пушкинъ, — купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею совсѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ проснувшись ночью слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и привязался къ нему чувствомъ, похожимъ на дружество». Любимый кипарисъ Пушкина живъ до сихъ поръ въ Гурзуфѣ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ.

Нынѣшній Гурзуфъ есть древняя *Горзувита*, въ которой императоръ Юстиніанъ возстановилъ— вѣроятно и прежде существовавшую здѣсь — крѣпость. Крѣпость была построена на утесистой скалѣ, подымающейся къ верху двумя оконечностями (См. рисунокъ).

Скала эта возвышается нѣсколько на западъ отъ нынѣшней татарской деревни, и потому поставленная на ней крѣпость могла легко господствовать и надъ гурзуфской бухтой и надъ долиной. Крѣпость состояла изъ грубо, но солидно построенныхъ на извести каменныхъ стѣнъ и башенъ; основанія и развалины какъ тѣхъ, такъ и другихъ ясно видны еще и теперь. Въ этихъ развалинахъ замѣчаютъ двѣ системы укрѣпленій различныхъ эпохъ: верхнія укрѣпленія, связывающія двѣ оконечности скалы, считаютъ Юстиніановыми, а укрѣпленія, которыя шли на 6 саженей ниже отъ естественной площадки на скалѣ (до которой легко достигнуть), приписываютъ Генуэзцамъ.

Тому, кто-бы захотѣлъ подняться на скалу, съ желаніемъ осмотрѣть эти историческія развалины, представилась бы рѣдкая по своей красотѣ и великолѣпію картина здѣшней горной природы. Рѣзко выдающійся предметъ на этой картинѣ конечно составляетъ Аюдагъ, который угрюмо спускается къ морю и полощется въ его волнахъ своимъ оригинальнымъ мысомъ. Округ-

ленная поверхность горы издали кажется совершенно лежащею на свѣтлыхъ морскихъ волнахъ, такъ что не нужно большихъ усилій воображенія, чтобы мысъ Аюдага признать за *бараній лобъ*, или *Кріуметопонъ* древнихъ – названіе, которое даютъ этому мысу нѣкоторые древніе географы. Но не безъ основанія также русскіе и татары называютъ Аюдагъ Медвѣдь-горою; онъ своею формою дѣйствительно можетъ напоминать лежащаго на водѣ или спящаго мѣдвѣдя.

АЛУШТА.

Алуштинская долина можетъ считаться одною изъ пространнѣйшихъ долинъ южнаго берега Крыма; орошаемая двумя рѣчками, она можетъ назваться также и самою плодороднѣйшею. Виноградные и фруктовые сады, табачныя плантаціи и хлѣбопахатныя поля тянутся по ней версты на три или четыре. Множество дачъ садовладѣльцевъ, — хотя не особенно богатыхъ, — разбросано по всему протяженію долины; вино ея, хорошо выдержанное, нимало не уступаетъ винамъ изъ лучшихъ виноградниковъ въ другихъ мѣстахъ южнаго берега Крыма.

Алуштинская долина расположена между отлогими горами, спускающимися отрогами отъ главнаго хребта крымской горной цѣпи. Къ сѣверу она замыкается гигантскимъ шатромъ *Чатырдага*, къ западу — мохнатою верхушкою *Бабуганъ-Яйлы*, къ востоку причудливою и очаровательною горою *Демерджи*, съ ея какъ-бы барельефными украшеньями, иссѣченными въ скалахъ могучимъ художникомъ — природою.

Въ одной изъ этихъ скалъ, дѣйствительно имѣющей форму человѣческаго бюста, — хотятъ видѣть бюстъ императрицы Екатерины II. Къ югу долина замыкается песчаннымъ берегомъ моря и вѣчно-плещущими, синими волнами его.

Татарская деревня Алушта, изображенная на нашемъ рисункѣ, находится почти у самаго берега. Плоско-крышіе домики ея, громоздясь одинъ на другой, лѣпятся по крутому утесу надъ рѣчкою *Улу-узень*. Безчисленные сады и свѣжіе, зеленые луга унизываютъ рѣчку; могучія вѣтви гигантскихъ орѣховыхъ деревъ клонятся надъ послѣдними рядами татарскихъ домиковъ, совершенно скрывая ихъ подъ своею тѣнью и богатою листвою. Тутъ же, надъ орѣхами, на лугу стоитъ

ALUSCHTA. — Алушта

небольшая мечеть, съ красивымъ минаретомъ. Двѣ старинныя высокія башни служатъ единственнымъ воспоминаніемъ много-вѣковаго существованія Алушты или *Алустони*, какъ называлась она у древнихъ Время еще не успѣло сокрушить эти древнія башни; онѣ высятся среди деревни и чрезвычайно гармонируютъ съ небольшой, но очень красивою церковью, готической архитектуры, которая занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ деревнѣ. Не далеко отъ церкви, подъ горою, находится фонтанъ очень хорошей воды, куда, два раза въ день, приходятъ за водою татарскія дѣвушки, съ свѣтлыми металлическими кувшинами на плечахъ, имѣющими форму античныхъ амфоръ. Тутъ можно не рѣдко встрѣтить очень хорошенькое личико, съ насурмленными бровями, и въ красныхъ фескахъ или шапочкахъ, изъ подъ которыхъ выпадаетъ множество мелко-заплетеныхъ косъ.

Почтовая дорога пролегаетъ посреди Алушты, раздѣляя ее на двѣ половины. Съ одной стороны находится татарская деревня, а съ другой тянутся сады, виноградники, табачныя плантаціи. Между всѣмъ этимъ растительнымъ богатствомъ бѣлѣютъ домики садовладѣльцевъ, окруженные розами, кипарисами, тополями и другими свойственными южному берегу Крыма растеніями.

Надъ самой почтовой дорогой стоитъ опрятный и просторный станціонный домъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ галлереями. Противъ него, немного наискось, среди виноградника видѣнъ на холмѣ довольно красивый домикъ г-жи Браилко; онъ замѣчателенъ тѣмъ, что построенъ на мѣстѣ древняго кладбища. Когда рыли здѣсь фундаментъ для дома, лѣтъ около 30 тому назадъ, то нашли много древнихъ монетъ и нѣкоторыя другія мелкія вещицы. Подлѣ этого домика и теперь находится нѣсколько могилъ, покрытыхъ грубо обтесанными каменными большими плитами, подъ которыми земля до того осѣла, что видны кости и черепы древнихъ обитателей Алустона и, можетъ быть, даже и строителей самой крѣпости, остатки которой мы видимъ въ Алуштѣ и понынѣ.

Спускаясь по Симферопольской почтовой дорогѣ отъ станціи *Таушанъ-Базаръ*, Алушта представляетъ чрезвычайно живописный ландшафтъ и кажется укрѣпленнымъ городкомъ. Высокіе пирамидальные тополи, опоясывающіе деревню со всѣхъ сторонъ, представляются неприступными

крѣпостными стѣнами, а высокія башни, окруженныя татарскими домиками, кажутся издали средневѣковыми замками. Но чтобъ имѣть полное понятіе о прелести Алушты и объ алуштинской долинѣ вообще, нужно смотрѣть на нее съ ялтинской почтовой дороги, поднявшись не болѣе версты отъ деревни. На-лѣво представляется мрачная, покрытая лѣсомъ гора *Бабуганъ-Яйла*, съ ея разнообразными отрогами, спускающимися къ морю, одѣтыми яркою зеленью лѣсовъ и кустарниковъ; горныя отлогости перерѣзаны оврагами и ручьями, которые текутъ посреди дикихъ каменныхъ утесовъ. Далѣе синѣетъ вершина Чатырдага, у подошвы которой, среди лѣсовъ, раскинулась деревня *Корбеклы*, съ своими безчисленными потоками, дающими начало рѣчкѣ *Улу-узень*, которая орошаетъ тѣнистые сады Алушты; еще далѣе, къ востоку, возвышается гора Демерджи, сталактитовые бока которой играютъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; между этими сталактитовыми украшеніями, образующими колонны, пирамиды и даже бюсты, пестрѣютъ татарскіе домики деревни Демерджи, раскинутые въ живописномъ безпорядкѣ; посреди нихъ серебрится на солнцѣ быстрый потокъ, который, освѣживъ и поливъ всѣ сады, сгрупировавшіеся вокругъ его русла, бѣжитъ чрезъ Алушту, среди громадныхъ тополей и наконецъ теряется въ морѣ. Вѣковые орѣхи, фруктовые сады и виноградники представляютъ безконечную массу зелени, изъ-за которой выглядываютъ домики деревни Алушты, съ ея классическими башнями посрединѣ; а тамъ далеко, далеко тянутся *Судакскія* горы, то темныя и мрачныя, съ остроконечными вершинами, то свѣтлыя, то серебристо-розовыя, — мѣняя постоянно оттѣнки, по мѣрѣ того, какъ освѣщаетъ ихъ солнце.

Алушта, сколько извѣстно, была укрѣпленнымъ греческимъ городомъ, называвшимся *Алустонъ* и, надо думать, — была городомъ довольно значительнымъ, потому что Алустонъ имѣлъ своего епископа. Башни, стоящія здѣсь и понынѣ, были построены по приказанію императора Юстиніана въ VI вѣкѣ, въ одно время съ укрѣпленіями Гурзуфа. Еще недавно въ Алуштѣ находилось три башни; но такъ какъ одна изъ нихъ начинала отъ времени (и оттого, что брали изъ нея камни) грозить паденіемъ; то, вмѣсто того, чтобы поддержать ее, было приказано, къ сожалѣнію, —

ее разрушить; можно ожидать, что скоро въ Алуштѣ не останется ни одного воспоминанія о временахъ классической древности; разберутся и послѣдния двѣ башни ея, и камни ихъ пойдутъ на постройку какой нибудь станціи или конюшни. Нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ такъ небрежно обращаются вообще съ историческими памятниками всякаго рода и такъ мало дорожатъ ими.

СУДАКЪ.

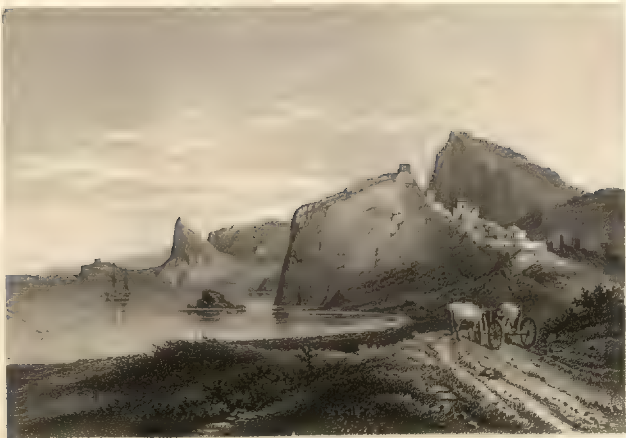

Нынѣшній Судакъ поражаетъ воображеніе путешественника только своими живописными развалинами. А было время, когда Судакъ (*Сугдаія* у древнихъ грековъ, *Солдаія* у генуэзцевъ и *Сурожъ* у русскихъ) былъ однимъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Крыма; когда онъ соперничалъ нѣкоторое время даже съ славнымъ нѣкогда, по своей торговлѣ, Херсонисомъ. Во времена византійскихъ грековъ Судакъ имѣлъ собственныхъ, отдѣльныхъ правителей и епископскій престолъ. Между епископами *Сугдаіи*, извѣстенъ святостію своею и подвижническою жизнію Стефанъ, названный Стефаномъ *Сурожскимъ*.

Въ портѣ Сугдаіи стояли тогда сотни купеческихъ судовъ, приходившихъ со всѣхъ сторонъ торговаго міра; базары Сугдаіи были завалены драгоцѣнными мѣхами Сибири и товарами Индіи и Китая. По улицамъ города сновали иностранцы всѣхъ возможныхъ націй. Къ богатыхъ церквамъ и монастырямъ сугдайскимъ стекались тысячи усердныхъ богомольцевъ, и ревностно украшали ихъ своими приношеніями, — драгоцѣнными каменьями, золотомъ и серебромъ. Городъ былъ защищенъ неприступными твердынями крѣпости, былъ обнесенъ высокими каменными стѣнами, которыя перерѣзывались башнями и имѣли нѣсколько гигантскихъ воротъ.

Когда генуэзцы завладѣли Сугдаею, — они еще болѣе укрѣпили городъ, еще выше подняли сторожевыя башни и крѣпостныя стѣны. И турки, осадивъ *Солдаію*, только голодомъ заставили сдаться находившійся въ ней храбрый итальянскій гарнизонъ.

Что же осталось теперь отъ неприступнаго, многолюднаго города? Остались однѣ нѣмыя, разрушенныя временемъ и разхищенныя невѣжествомъ, развалины великолѣпныхъ готическихъ построекъ;

SUDAK — Судакъ

осталось вѣчно плещущее, порою бурное, клокочущее, порою нѣжно-воркующее море, да эти скалы, которыхъ не можетъ сокрушить ни время, ни невѣжество, ни волны морскія.

И какъ живописны, какъ величественны эти развалины и скалы, ихъ поддерживающія! Взгляните на рисунокъ, изображающій мѣстоположеніе древней Сугдаіи. Вотъ обнаженный, выдающійся въ море, округленный утесъ. На немъ, на самой вершинѣ, подымаются стѣны и башни укрѣпленія и спускаются, по покатости утеса, къ сѣверу и къ западу. Высокія и толстыя стѣны перерѣзаны разнообразными башнями. Самая высокая часть укрѣпленія отдѣлялась отъ другихъ частей крѣпости особенными стѣнами. Къ западу стѣны спускались къ морю, гдѣ находился городъ, надъ самымъ заливомъ. Далѣе, возвышается обрывистая, величественная *Соколиная гора*, которая служила естественною защитою для Сугдаіи съ сѣвера. Еще далѣе, на самомъ берегу моря, стоитъ фантастическій, остроконечный утесъ и какъ бдительный, неутомимый часовой сторожитъ входъ въ заливъ. А тамъ, еще далѣе, на западъ, извиваясь вдоль моря, синѣютъ береговыя горы, предѣломъ которыхъ служитъ Аюдагъ.

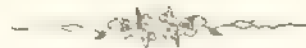
На-лѣво берегъ также окаймленъ скалистыми горами и оканчивается выдавшимся въ море обнаженнымъ мысомъ *Меганомъ*.

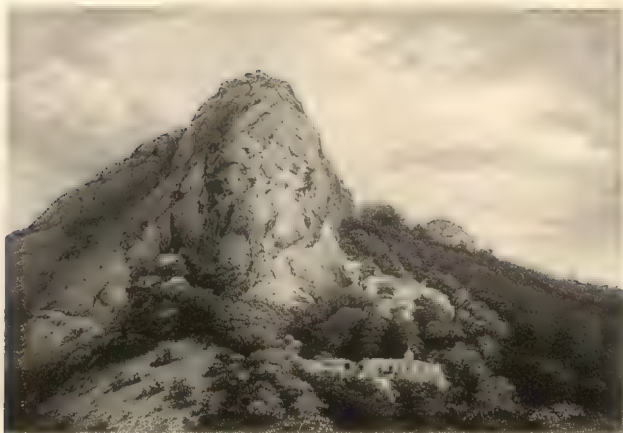
Весь этотъ видъ съ моря отличается чрезвычайною величественностію. Онъ въ тоже время мраченъ и суровъ. Тутъ невидно ни зелени, ни деревьевъ; взорамъ вашимъ представляются только дикія скалы, море, да горизонтъ неба.

Скала, на которой построена крѣпость, неприступна со стороны моря; но къ ней легко дойти со стороны долины, гдѣ открывается обширная терраса, которая была защищена громаднымъ валомъ и десятью башнями. И когда вы, по развалинамъ, доберетесь до самой верхней башни, составляющій со стороны моря предѣлъ крѣпости; то глазамъ вашимъ представится изумительно прекрасная картина: съ одной стороны море, дикія скалы и горные утесы; а съ другой — зеленѣющая, на далекое пространство, долина.

Башня, о которой мы говоримъ, — построенная надъ самымъ обрывомъ скалы, называется теперь у татаръ *Кызъ-Куле* (Дѣвичья башня). Въ ней, говоритъ преданіе, жила какая-то изъ владѣтельницъ Сугдаіи.

Хотя всѣ эти полуразвалившіяся башни и стѣны, какъ слѣды изчезнувшей, - нѣкогда славной,— жизни, — и произведутъ въ васъ невеселое впечатлѣніе; но подъ самыми стѣнами крѣпости разбросано нѣсколько домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями, незатѣйливыми цвѣтниками и огородами. Домики эти пріютились почти у самыхъ стѣнъ древней крѣпости и составляютъ поразительный контрастъ, своимъ скромнымъ видомъ и обыденнымъ характеромъ земледѣльческой жизни, съ этими грозными твердынями готическихъ временъ, напоминающими иную жизнь, иныхъ людей, иные нравы и обычаи. Веселые крики ребятишекъ, играющихъ у самыхъ воротъ крѣпости, пасущійся по близости скотъ—и вся эта житейская суета придаютъ оттѣнокъ жизни мертвенному запустенію древняго города. А открывающійся далѣе видъ на знаменитую «Судакскую долину,» которая отличается такою могучею растительною жизнію и такою роскошью и богатствомъ природы,— еще болѣе измѣняетъ характеръ пейзажа. Чудная зелень садовъ, луговъ, виноградниковъ тянется по всему пространству долины, среди горъ, на разстояніи двухъ или болѣе верстъ въ ширину, и версты на три въ длину. Быстрая рѣчка *Суукъ-оу*, съ множествомъ ручьевъ и потоковъ, разливается посреди садовъ, перерѣзывая ихъ по всѣмъ направленіямъ. Сельскіе домики, различныхъ видовъ, пестрѣютъ между деревьями; красивая церковь занимаетъ самое возвышенное мѣсто на площадкѣ. Нескончаемые аллеи тополей уходятъ въ неопредѣленную даль, скрываясь за цѣпью самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ горъ и холмовъ, за которыми виднѣются вдали очерки другихъ сосѣднихъ долинъ и живописно разсыпавшихся между ними горныхъ деревень.

St Stephanskloster in Kisiltasch. — Скитъ Св. Стефана въ Кизильташѣ

КИЗИЛЬТАШЪ

и скитъ св. Стефана Сурожскаго.

Верстахъ въ тридцати отъ Судака, между двумя прекраснѣйшими долинами въ Крыму — *Отузской* и *Козской*, посреди дикой и уединенной мѣстности, возвышается гигантская скала, красноватаго цвѣта; отчего она и названа татарами *Кизиль-ташъ*, т. е. «красный камень,» или *Кизильташъ-кая* — «скала краснаго камня». Скала эта съ одной стороны подымается совершенно отвѣсною стѣною и имѣетъ ужасающій видъ. Она почти лишена растительности; но подошва скалы окружена густымъ и чуднымъ лѣсомъ, который тянется на далекое разстояніе.

На вершинѣ дикой Кизильташской скалы водруженъ крестъ, который служитъ теперь для путешественника явнымъ признакомъ того, что онъ долженъ встрѣтить въ этой дикой пустынѣ какое-либо мѣсто христіанскаго благочестія. И дѣйствительно, когда вы ѣдете изъ Судака, въ виду всей этой превосходной горной панорамы, окаймленной темною зеленью лѣсовъ, и когда вы взберетесь на одну изъ высотъ, съ которой глазамъ вашимъ откроется видъ на кизильташскую скалу, то у подножія ея, въ самомъ дикомъ урочищѣ, густо-поросшемъ лѣсомъ, вы замѣчаете церковь, съ подымающимся надъ нею небольшимъ византійскимъ куполомъ и крестомъ, и нѣсколько бѣлѣющихъ сквозь лѣсную чащу домиковъ. Это и есть «скитъ св. Стефана Сурожскаго» или «Кизильташскій монастырь,» какъ здѣсь привыкли обыкновенно его называть въ народѣ.

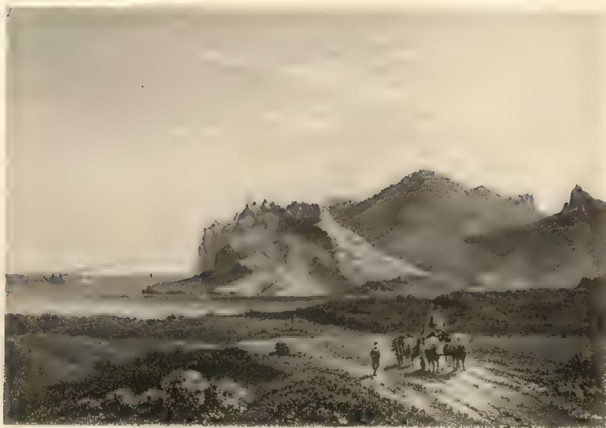
Нельзя было выбрать мѣстности для монастырской обители и для иноческаго пустынножительства болѣе уединенной и суровой и въ тоже время — болѣе живописной, по дикой красотѣ своей. Кизильташъ—безспорно одна изъ замѣчательныхъ мѣстностей въ горной части ѳеодосійскаго уѣзда.

Скитъ св. Стефана Сурожскаго устроенъ въ очень недавнее время въ Кизильташѣ; но вытекающій здѣсь, изъ одной пещеры или грота, источникъ, съ незапамятныхъ временъ,—быть можетъ,—съ первыхъ вѣковъ водворенія христіанства въ Крыму, пользуется въ народѣ славою цѣлебнаго и святаго. Въ гротѣ, изъ котораго онъ вытекаетъ, находилась древняя церковь, съ старинными образами и изображеніями святыхъ по стѣнамъ грота.

Этотъ гротъ, или пещера въ скалѣ, заслуживаетъ вообще вниманія путешественника. Татары ее называютъ *Кизильташъ-коба* (Кизильташская пещера). Она не особенно велика и изсѣчена въ сѣромъ камнѣ. Въ вершинѣ пещеры существуетъ отверстіе, черезъ которое, во всякое время года, вливается, съ высоты одной сажени съ небольшимъ, тонкая и свѣтлая струя воды и падаетъ перпендикулярно въ небольшой натуральный бассейнъ, находящійся прямо противъ отверстія, — и потомъ, наполнивъ бассейнъ, вытекаетъ изъ грота.

Вода этого источника прозрачна, какъ кристаллъ, свѣжа и очень хороша на вкусъ. Въ цѣлебную силу этого источника вѣрятъ и питаютъ уваженіе къ святости этого мѣста не только христіане, но и татары. Они, равно какъ и христіане, съ давнихъ временъ стекались сюда на богомолье и привозили для исцѣленія водою источника своихъ больныхъ. Это и послужило поводомъ знаменитому духовному оратору и архипастырю русской церкви, Инокентію, учредить въ Кизильташѣ скитъ св. Стефана Сурожскаго.

Das Koktebellgebirge
bei Theodosia.

Коктебельскія горы
бл. Θеодосіи

КОКТЕБЕЛЬ.

Берегъ моря отъ Судака до Θеодосіи, и по природѣ своей и по своему очертанію, далеко не имѣетъ той живописной горной красоты и того растительнаго богатства, которыми отличается берегъ моря отъ Судака по направленію къ Ялтѣ и далѣе, до самой крайней оконечности южнаго берега Крыма, за Байдарскими воротами.

Берегъ отъ Судака по направленію къ Θеодосіи имѣетъ совершенно иной характеръ, онъ представляется довольно дикимъ и почти лишеннымъ зелени; растительность его бѣдна, суха и имѣетъ печальный видъ. Мѣстами берегъ обрывистъ и загроможденъ скалами, мѣстами — открытъ и не защищенъ. Тамъ, гдѣ высокія скалы окаймляютъ берегъ, выдвигаясь въ море отдѣльными мысами,— скалы эти образуютъ то тамъ, то здѣсь небольшіе морскіе заливы. И за этими заливами, начиная отъ Θеодосіи, растилаются обыкновенно, — сначала небольшія, а чѣмъ далѣе къ Судаку, тѣмъ все болѣе пространныя долины, которыя уже украшены всею роскошью растительности, — рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ примыкающаго къ нимъ пространства, которое собственно составляетъ морской берегъ. Къ такимъ пространнымъ и плодороднымъ долинамъ, на разстояніи между Θеодосіей и Судакомъ, принадлежатъ въ особенности долины *Отузская* и *Козская*.

Но, не доѣзжая верстъ пять или шесть до Отузской долины и до береговыхъ скалъ ея, образующихъ здѣсь очень красивый морской заливъ, на самомъ берегу моря расположена небольшая татарская деревня *Коктебель*. Она ничѣмъ особеннымъ не примѣчательна, но очень замѣчательны, по своей формѣ и строенію, тѣ береговыя скалы и горы, въ виду которыхъ она раскинулась. Тутъ далеко выдвинулся въ самую глубь моря довольно высокій и мрачный мысъ, имѣющій самую оригинальную форму очертанія. Его

почти черный цвѣтъ и мрачный видъ — вѣроятно послужилъ поводомъ для татаръ дать ему названіе *Карадагъ*, что значитъ *черная гора*. Непосредственно за Карадагомъ, отступивъ нѣсколько отъ моря, возвышаются такъ называемыя *Коктебельскія горы*, и одна изъ нихъ, которая собственно и слыветъ подъ именемъ горы *Коктебель*, имѣетъ чрезвычайно живописную конусообразную форму. У подошвы этихъ горъ простирается довольно красивая долина; но растительность ея не такъ богата и населенность далеко не такъ многочисленна, какъ растительность и населенность слѣдующихъ за нею долинъ — Отузской и Козской. Тѣмъ не менѣе черные и суровые утесы Карадага, подымающагося отвѣсною стѣною прямо изъ глубины моря, вмѣстѣ съ коктебельскими высотами и долинами, заключенными среди нихъ, — представляютъ весьма оригинальную и живописную горную картину.

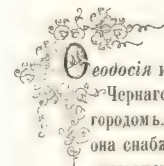
Коктебельскія и Карабагскія высоты замѣчательны еще по отношенію къ геологическому строенію и природѣ Крымскаго полуострова. Отъ нихъ собственно начинается горная часть Крыма: высокія пики Карадага и Коктебеля — это начало, передовые посты той горной цѣпи, которая такъ живописно опоясываетъ весь южный и юговосточный берегъ полуострова. Далѣе, за ними, уже простирается обширная равнина; холмы и горы постепенно исчезаютъ, почва значительно понижается, берега моря становятся отлогими, — и степи, которыя составляютъ всю сѣверную часть полуострова, простираясь на востокъ отъ Ѳеодосіи до самаго Босфора Киммерійскаго или Керчи, — вступаютъ наконецъ въ свои права. И если вы, миновавъ деревню Коктебелъ, взойдете на одну изъ близъ стоящихъ возвышенностей и окинете отсюда взорами окрестность, то вамъ представится самое оригинальное и живописное зрѣлище: по одну сторону коктебельскихъ и карадагскихъ высотъ широко растилается, до краевъ горизонта, необозримая степная гладь, а по другую — извиваются скалистые берега моря, виднѣются, какъ въ туманѣ, оригинальныя контуры самыхъ отдаленныхъ горъ, а поближе къ вамъ зеленѣетъ въ глубинѣ Отузская долина, съ ея свѣжими лѣсистыми полянами и обильными горными потоками и ручьями, которые далеко серебрятся на солнцѣ.

THEODOSIA
von Osten

Феодосія
съ вост[illegible]

ѲЕОДОСІЯ.

Ѳеодосія или *Кафа* (*) расположена на берегу одного изъ красивыхъ и удобнѣйшихъ заливовъ Чернаго моря. Она была нѣкогда, въ давно минувшія времена, богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Занимаясь обширною торговлею, окруженная тучными, плодородными полями, она снабжала хлѣбомъ Грецію. Но наплывъ варваровъ, — какъ предполагаютъ, — *алановъ* — раззорилъ и разрушилъ богатый городъ до основанія, такъ что вскорѣ не осталось и слѣдовъ его.

Съ тѣхъ поръ прошло много вѣковъ. Ѳеодосія была забыта. И на мѣстѣ, гдѣ когда-то красовались прекрасные храмы древне-греческихъ боговъ, не разъ проходилъ плугъ хлѣбопашца.

Въ XIII вѣкѣ коммерческій и предпріимчивый геній генуэзцевъ, развивая свою дѣятельность отъ Средиземнаго моря до Меотиды, унизалъ берега морей — Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго своими торговыми пристанями, конторами и городами, между которыми «Кафа генуэзская» почиталась царицею. Она поднялась на пепелищѣ древней, греческой Ѳеодосіи. На пустынномъ берегу воздвиглись дворцы, церкви, крѣпости, обнесенныя несокрушимыми стѣнами. Въ портъ безпрерывно входили и выходили купеческіе корабли, нагруженные товарами совсѣхъ концовъ свѣта. Разные народы, угнетенные на своей родинѣ, стремились въ Кафу, гдѣ были увѣрены найти не только пріютъ, но свободу вѣроисповѣданія и удобства жизни. Въ Кафѣ строились церкви — армянскія, греческія, синагоги еврейскія, мечети мусульманскія.

(*) Городъ этотъ, подъ послѣднимъ названіемъ, и теперь еще, болѣе извѣстенъ въ Европѣ, нежели подъ именемъ Ѳеодосіи.

Но не многовѣчна была жизнь Кафы. Въ 1475 году солнце ея славы и могущества затмилось навсегда, и подъ городомъ взошла луна Магомета, распространяя мракъ невѣжества надъ берегами Чернаго моря, гдѣ царствовала прежде добрая итальянская цивилизація.

Турки, впрочемъ, не разрушили Кафу; они гордились ею, украшали ее прекрасными зданіями и дѣятельно поддерживали ея торговлю. Турки называли Кафу «малымъ Стамбуломъ» и «перломъ» между городами Крымскаго полуострова.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи; то стѣны генуэзской крѣпости, со всѣми ихъ башнями, были еще почти цѣлы; но войска, завладѣвшія городомъ, и потомъ новые жители постепенно разрушали ихъ, равно какъ и великолѣпныя турецкія мечети, бани и другія красивыя зданія Кафы, употребивъ матерьялъ съ нихъ на постройку своихъ невзрачныхъ домовъ, казармъ, карантина и пр.

Извѣстный англійскій путешественникъ, *Кларке*, бывшій въ Крыму въ началѣ настоящаго столѣтія, разсказываетъ, что во время пребыванія его въ Кафѣ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ люди срывали свинцовыя крыши съ одной изъ великолѣпнѣйшихъ въ городѣ мечети. Онъ видѣлъ, по его словамъ, въ какое страшное негодованіе пришли отъ этого жители, и одинъ изъ нихъ, обратившись къ Кларке, сказалъ по-гречески: «о скиѳы, скиѳы!»

Удивительные водопроводы, съ свинцовыми трубами, устроенные генуэзцами и тщательно поддерживаемые турками, были также разрушены, всѣ украшенія фонтановъ, да и большая часть самихъ фонтановъ уничтожены.

Такимъ образомъ, изъ красивой и богатой Кафы нынѣшняя Ѳеодосія превратилась въ небольшой и незначительный уѣздный городокъ, который не имѣетъ даже порядочной воды для питья. И теперешнія постройки Ѳеодосіи, не смотря на то, что между ними есть довольно красивыхъ домовъ, представляются такими незначительными въ сравненіи съ тѣми постройками старой Кафы, развалины которыхъ такъ гордо возвышаются и до сихъ поръ надъ городомъ, лежащимъ у ихъ подножія.

THEODOSIA — ѲЕОДОСІЯ

von Westen — съ западн ст

Рисунокъ нашъ, изображающій видъ Θеодосіи, представляетъ на первомъ же планѣ одну изъ этихъ величественныхъ развалинъ; — это — генуэзская башня, полуразрушенная, стоящая въ концѣ нынѣшняго θеодосійскаго бульвара. Тутъ же, по близости къ башнѣ, стоитъ старинный, полуразрушенный фонтанъ, который бываетъ большею частію безъ воды. Далѣе, вдоль берега, тянется бульваръ, т. е. единственная аллея, обнесенная деревьями; у бульвара и почти на всемъ берегу до пристани разбиты купальни; а еще далѣе, вдоль моря, на право по отлогой горѣ, къ которой прислонилась Θеодосія, раскинутъ и весь городъ. Первыя улицы его, паралельныя съ бульваромъ, довольно правильны, чисты и изрядно вымощены (Здѣсь почти вездѣ сохранилась еще старинная мостовая изъ булыжника, по которой и ходить и ѣздить довольно неудобно.) Вдоль этихъ улицъ идутъ хорошія строенія, красивые домики, лавки, гостинница и пр. По выше, на горѣ, улицы перепутываются, становятся такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разъѣхаться два экипажа. Улицы эти, конечно, и не отличаются особенною чистотою; строенія здѣсь небольшія, одноэтажныя и большею частію старыя и приходящія въ разрушеніе. Съ 1857 года, когда было приступлено къ устройству московско-θеодосійской желѣзной дороги, старыя и приходившія въ разрушеніе постройки Θеодосіи, начинали было возраждаться и во многихъ частяхъ города возникло нѣсколько хорошихъ зданій.

За городомъ, на отлогой горѣ, находится кладбище, съ довольно красивою церковью. Это жилище мертвыхъ, на которомъ покоятся обитатели старой и новой Θеодосіи, втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Отсюда видъ на городъ, на заливъ и на качающіяся въ немъ суда, необыкновенно живописенъ.

Далѣе, въ концѣ города, на горѣ высятся остатки генуэзскихъ укрѣпленій; а ближе къ морю, подъ горою, видны большія строенія карантина. Отсюда видъ на Θеодосію и на ея бухту еще живописнѣе: весь заливъ, изогнувшійся въ видѣ магометанской луны, со всѣми набережными строеніями, представляется вашимъ глазамъ; на гладкой синевѣ его бѣлѣютъ паруса, темная, обросшая мохомъ, генуэзская башня, о которой мы говорили, подымается на противуположной сторонѣ залива; влѣво, далеко зеленѣютъ сады и небольшія дачи θеодосійскихъ жителей, съ ихъ пестрыми строеніями.

А внизу, у самыхъ стѣнъ карантина, волнуется море, омывая фундаментъ построекъ. Здѣсь вода въ морѣ до того прозрачна, что видны всѣ камешки на днѣ. Когда солнце озолотитъ послѣдними лучами своими весь заливъ и пестрѣющій городъ, то видъ этотъ бываетъ поразительно хорошъ. Лѣтомъ Ѳеодосія бываетъ довольно оживлена. Вмѣстѣ съ ласточками, сюда начинаютъ наѣзжать больные и здоровые, — особенно же съ іюня мѣсяца, когда начинаются морскія купанья, которыя здѣсь очень удобны, по причинѣ отлогаго берега залива и хорошо устроенныхъ въ послѣднее время купалень. Каждый вечеръ, въ лѣтній сезонъ, ѳеодосійскій бульваръ бываетъ полонъ гуляющихъ, расхаживающихъ взадъ и впередъ подъ звуки музыки.

Ѳеодосія, общимъ видомъ своимъ, напомнитъ вамъ одинъ изъ небольшихъ итальянскихъ городковъ, у береговъ Средиземнаго моря. Мѣстоположеніе для города выбрано чрезвычайно счастливо: съ какой точки на него ни посмотришь, онъ отовсюду покажется вамъ удивительно живописнымъ. Особенно хороша Ѳеодосія съ моря: отсюда она рисуется большимъ городомъ, широко раскинувшимся по отлогой горѣ. Древнія башни такъ величественно подымаются надъ пестрѣющимъ городомъ; а далеко, на горѣ, красиво выдается небольшая часовня, во имя пророка Ильи, построенная, по преданію, какимъ-то шхиперомъ, по обѣту, послѣ избавленія отъ крушенія и гибели его судна.

Печ. въ тип. Л. Нитче.

